

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 62–72.  
*The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* 2024; 2 (83):62–72.

Научная статья  
УДК 94(410).06  
DOI 10.37724/RSU.2024.83.2.006

## Даниэль Дефо: от «писаки» с Граб-Стрит до «флагмана» английского Просвещения

**Кирилл Владимирович Майоров**

Уральский федеральный университет имени первого Президента  
Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия  
kir261297@gmail.com

**Аннотация.** В статье рассматривается история изучения жизни и творчества английского писателя Даниэля Дефо на протяжении трех веков. Показано, что еще при жизни за писателем закрепилась репутация «продажного писаки» и, несмотря на большой успех романа о Робинзоне, он рассматривался современниками как заурядный писатель. Автор статьи считает, что первым полноценным трудом, воссоздающим биографию Дефо, можно считать сочинение шотландского антиквара Дж. Чалмерса «Жизнь Даниэля Дефо» 1786 года. В нем впервые политическая «изменчивость» писателя объясняется преданностью делу государства и патриотизмом. Значимым исследованием стало трехтомное сочинение У. Уилсона «Воспоминания о жизни и временах Даниэля Дефо» 1830 года, в котором автор попытался объединить две стороны деятельности своего персонажа: художественное творчество и политическую деятельность. Однако во второй половине XIX века в исследовательском дискурсе по-прежнему преобладал образ Дефо как посредственного писателя, но значимого политического обозревателя. Решающая роль в этой интерпретационной модели принадлежит авторитетному историку английской литературы последней трети XIX века С. Лесли. Только в середине XX века началась «ревизия» оценок классической историографии. Это ознаменовалось комплексным изучением творческого наследия Дефо. В 1955 году Х. Хили было подготовлено издание всех сохранившихся писем писателя. Скрупулезная работа по атрибуции анонимных произведений, приписываемых Дефо, проведена П. Н. Фарбенком и У. Р. Оуэнс. В этой новой историографической парадигме Дефо-писатель и Дефо-журналист уже не противопоставлялись друг другу, а рассматривались как единое целое. В жанре интеллектуальной биографии были написаны работы М. Новака и П. Бакшейдер. Однако последней страницей в текущем дефоведении можно считать работы Э. Маршалл, которая выступила с критической оценкой искусственной «сконструированности» образа Дефо в господствующей на сегодняшний день историографии жизни и деятельности писателя.

**Ключевые слова:** Даниэль Дефо, Англия XVIII века, Великобритания.

**Для цитирования:** Майоров К. В. Даниэль Дефо: от «писаки» с Граб-Стрит до «флагмана» английского Просвещения // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 62–72. DOI: 10.37724/RSU.2024.83.2.006.

Original article

## Daniel Defoe: from a Grub Street scribbler to leadership in the English Enlightenment

**Kirill V. Mayorov**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,  
Yekaterinburg, Russia  
kir261297@gmail.com

**Abstract.** The article examines the history of studying the life and work of the English writer Daniel Defoe over three centuries. It is shown that during his lifetime the writer acquired a reputation as a “venal scribbler” and, despite the great success of the novel about Robinson, he was considered by his contemporaries as an ordinary

© Майоров К. В., 2024

writer. The author of the article believes that the first full-fledged work recreating the biography of Defoe can be considered the work of the Scottish antiquarian J. Chalmers *The Life of Daniel Defoe*, published in 1786. It was the first to account for the political “volatility” of the writer through his devotion to the cause of the state and patriotism. Another significant study was the three-volume work of W. Wilson *Memoirs of the Life and Times of Daniel Defoe* (1830), in which the author tried to combine two sides of his hero’s activities: artistic work and political activity. However, in the second half of the 19th century, the image of Defoe as a mediocre writer but a significant political commentator continued to dominate scholarly discourse. A decisive role in this interpretive model belongs to the authoritative historian of English literature of the last third of the 19<sup>th</sup> century, S. Leslie. Only in the middle of the twentieth century did a “revision” of the assessments of classical historiography begin. This was marked by a comprehensive study of Defoe’s creative heritage. In 1955, H. Healy prepared an edition of all the writer’s surviving letters. Meticulous work on the attribution of anonymous works attributed to Defoe was carried out by P. N. Farbank and W. R. Owens. In this new historiographical paradigm, Defoe the writer and Defoe the journalist were no longer opposed to each other, but were considered as a single whole. The works of M. Novak and P. Bakscheider were written in the genre of intellectual biography. However, the newest page in current studies of Defoe can be considered the work of E. Marshall, who made a critical assessment of the artificial “construction” of the image of Defoe in the currently dominant historiography of the writer’s life and work.

**Keywords:** Daniel Defoe, 18<sup>th</sup>-century England, Great Britain.

**For citation:** Mayorov K. V. Daniel Defoe: from a Grub Street scribbler to leadership in the English Enlightenment. *The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 2 (83):62–72. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.83.2.006.

## Введение

Сегодня Даниэль Дефо более известен широкому кругу читателей как автор трилогии о приключениях Робинзона Крузо. Упоминание его имени неизменно присутствует в работах, посвященных истории журналистики и английского романа XVIII века. Значительная часть сочинений Дефо выходила анонимно, и зачастую атрибутировать некоторые его тексты не представляется возможным. Общее число его сочинений составляет примерно 550 работ на самые различные темы: от государственного устройства до исследования паранормальных явлений<sup>1</sup>. Так, с одной стороны, в современной историографии Дефо предстает как выдающийся писатель своего времени. С другой же стороны, еще в XIX веке за Дефо закрепилась репутация хамелеона — посредственного писателя и «продажного» человека. Отечественный исследователь Е. Б. Черняк называет Дефо одним из первых профессиональных шпионов (см.: [Черняк, 1975, с. 265–268]). Эшли Маршалл, ученый из исследовательского университета Невады, задалась вопросом о «сконструированности» образа Даниэля Дефо как великого писателя и видного деятеля английского Просвещения (см.: [Marshall, 2012, p. 2]). В статье мы обозначим причины изменения отношения к Даниэлю Дефо как к исторической личности и определим ключевые точки в этом процессе.

## Основная часть

### *Дефо глазами современников*

Восприятие Даниэля Дефо как личности менялось на протяжении всей его жизни. Джонатан Свифт, Ричард Стил и другие члены клуба «Мартин Скриблерус» (“Scriblerus Club”) считали Дефо не более чем «одаренным талантом писакой с Граб-стрит» (цит. по: [Novak, 2017, p. 2]). Эшли Маршалл склоняется к мнению, что для современников Дефо был «журналистом, пропагандистом, прожектором, неряшливым и неосторожным писакой с Граб-стрит<sup>2</sup>» (здесь и далее пер. наш. — К. М.) [Marshall, 2012, p. 4]. На чем строилось такое отношение к просветителю?

<sup>1</sup> Данное количество предложено Робертом Муром в 1971 году. На сегодняшний день достоверно можно сказать о примерно 250 работах Д. Дефо. См.: [Furbank, 1994].

<sup>2</sup> Grub Street — известная улица в Лондоне. В начале XVIII века улица стала излюбленным местом для начинающих и бедных писателей, журналистов, поэтов. Обозначение «писака с Граб-стрит» стало уничижительным термином, который использовался в отношении бесталаных и продажных писателей.

В первую очередь Даниэль Дефо был известен современникам как автор двух ярких текстов — «Чистокровный англичанин» (1701) и «Простейший способ разделаться с диссентерами» (1702). Первая работа Дефо была написана как ответ на памфлет Джона Татчина «Иностранцы» и быстро приобрела популярность. Язык, остроумие, а также в большей степени политическая актуальность памфлета позволили ему разойтись большим тиражом. Защищая права Вильгельма III Оранского на английский престол, Дефо обратил на себя внимание монарха, а также общественности. Впоследствии Дефо опубликовал 73 работы под псевдонимом «автор Чистокровного англичанина», издав их отдельным сборником (см.: [Defoe, 1703]).

Иная судьба ожидала сочинение «Простейший способ расправиться с диссентерами». Памфлет вызвал ту реакцию, на которую и рассчитывал Дефо: сочинение активно распространялось и обсуждалось. Маловероятно, что та цепь событий, которая произошла далее, входила в планы писателя: разоблачение, арест, суд, позорный столб и тюремное заключение на пять месяцев. Находясь в тюрьме, Дефо смог при посредничестве видного политического деятеля Сидни Годольфина связаться со своим будущим патроном Робертом Харли, который добился освобождения неудачливого писателя. В последовавшие за освобождением десять лет Дефо находился у него на службе в качестве «наемного писателя и шпиона» [Лабутина, Ковалев, 2020, с. 49]. Бывший придворный виг оказался, таким образом, в лагере тори. Без сомнения, подобная смена политических предпочтений создала негативный образ Дефо как политического оппортуниста.

Издав две вышеупомянутые работы, Дефо снискал себе репутацию провокатора, а также стал врагом англиканской церкви. Шлейф репутации человека, приговоренного к стоянию у позорного столба, тянулся за ним до самой смерти. Именно эта часть биографии Дефо легла в основу сюжета поэмы «Дунсиада» (1728) его современника Александра Поупа. У Поупа образ Дефо складывался из двух частей: стояния Дефо у позорного столба с отрезанными ушами и отсутствия у него при этом и намека на стеснение или раскаяние (см.: [Pope, 1963, p. 384]). Написанная в героическом духе наподобие «Илиады» и «Одиссеи» Гомера и «Энеиды» Вергилия поэма была облечена в сатирическую форму и пришлась по вкусу читателю. В этом тексте Даниэль Дефо, как и многие другие писатели и журналисты, служит богине Дулнессе<sup>3</sup>.

Критика в адрес Дефо со стороны А. Поупа объяснима. Многие члены кружка «Мартина Писаки» потеряли свои места в правительстве или оказались в опале после прихода к власти Георга I Ганноверского: произошла смена правящей партии, виги одержали верх над тори. Поэма Поупа была направлена против его политических противников — вигов, приверженцев Ганноверской династии, и «писак с Граб-стрит». Поэтому неудивительно, что Даниэль Дефо стал подходящей фигурой для высмеивания.

Заметим, что литературные сочинения Дефо, в отличие от его политических работ, долго оставались в тени последних, а то и вовсе подвергались насмешкам. Так, его самое известное произведение «Робинзон Крузо» в момент выхода получило негативный отклик, хотя и разошлось большим тиражом. Английский писатель и современник Дефо Чарльз Гилдон в юмористической манере описывает диалог Дефо с персонажами его «Робинзона», а в конце и вовсе «заставляет» Дефо съесть его же произведение. Вторая и третья части «Робинзона Крузо» не получили заслуженного внимания как читателей, так и литературных критиков (см.: [Дефо, 2022, с. 23]).

В работах, посвященных биографии Дефо, большинство авторов подчеркивают свойственный ему «политический оппортунизм» и на основе этого делают вывод о «продажности» писателя и даже об отсутствии собственной политической позиции. Нельзя с полной уверенностью сказать, что лавирование Дефо между двумя враждующими группировками связано с изменением его политических взглядов. Сегодня в русскоязычной историографии принят негласный консенсус относительно принадлежности писателя к вигам: «Столь плодовитого вигского памфлетиста, как Дефо, не было в ту пору во всей Англии» [Лабутина, Ковалев, 2020, с. 64]. Можно предположить, что переходы Дефо из одного политического лагеря в другой зависели от того, какие позиции занимали на тот момент его патроны, прежде всего Роберт Харли. Дефо остался верен своему патрону в 1715—1717 годах, после падения кабинета Р. Харли в 1714 году он написал несколько работ в его защиту. Приход новой династии на английский престол сопровождался перестановкой министерских кресел и должностей. К власти пришли виги. Дефо,

<sup>3</sup> Слово “dullness” имеет значение ‘тупость’, ‘скудоумие’.

выглядевший в глазах вигов «перебежчиком», а также «ищущим легкой наживы писакой», был *persona non grata* для новой власти, хотя и поддерживал права Георга I, а затем и Георга II из Ганноверского дома. В общем и целом можно заключить, что с его карьерой политического писателя было покончено. Исследователи констатируют, что в 1720-х годах Дефо переключил внимание с партийно-политических на социально-психологические проблемы (см.: [Васильева, Эрлихсон, 2020, с. 131]).

Был ли Даниэль Дефо «продажной писакой» и политическим оппортунистом? За время своей более чем 50-летней карьеры политического обозревателя и писателя он нажил немало противников. Его разоблачали как правительственного шпиона, тайного вига в торийской газете и тори в вигской газете (см.: [Novak, 2017, p. 3]). Маскируясь под тори, чтобы написать разоблачительный памфлет против вигов, а затем от имени сторонника партии вигов тщательно и скрупулезно опровергнуть свои же аргументы, надевая лик сторонника англиканской церкви и выступая за скорейшее решение проблемы пребывания диссентеров в Англии, Дефо действительно создал себе образ провокатора и беспринципного человека.

Как будет показано далее, историки и биографы выявят немало причин и обстоятельств, объясняющие те или иные поступки писателя, которые вызывали резкую отрицательную реакцию со стороны современников. Здесь же отметим, что после ухода от активного обозрения политических событий в конце 10-х — начале 20-х годов XVIII века в работах Дефо получили развитие темы, которые он взял на вооружение еще в конце 90-х годов XVII столетия, когда всецело поддерживал Вильгельма Оранского и был придворным вигом.

Так, образ и репутация Даниэля Дефо у современников базировались на его пропагандистском творчестве. При этом ключевыми маркерами творчества писателя можно считать его политическую непостоянность, а также принадлежность к диссентерской среде. Одно из первых известий о смерти Дефо было опубликовано на страницах сатирической газеты *Grub-Street Journal* 29 апреля 1731 года (см.: [The Grub-Street Journal, 1731]). Авторы статьи в насмешливой манере обыграли непостоянность Дефо в политике: «Его знание людей, особенно высокопоставленных (с которыми он раньше очень хорошо общался), ослабило его привязанность к какой-либо партии» (см.: [Ibid., p. 2]). Далее помещался сатирический комментарий якобы «брата» писателя: «Для меня немалое утешение, что мой брат умер в преклонном возрасте, сумев уберечься от опасных переулков Веревочной Аллеи<sup>4</sup>, жители которой хотели бы давно отправить его на тот свет при помощи простейшего способа расправиться с диссентерами» (см.: [Ibid.]). Автор комментария указывал, что Дефо являлся автором многих произведений, однако в качестве повода для насмешки была выбрана работа 30-летней давности «Простейший способ расправиться с диссентерами», которая в сознании современников прочно ассоциировалась с творчеством Дефо. Авторы некрологов, опубликованных в журналах *Courant* и *Daily Journal*, подчеркивали характерный для Дефо «политический оппортунизм», определяя его как человека, который писал свои работы, чтобы угодить своим высокопоставленным «друзьям».

### ***Первые биографии Даниэля Дефо***

Первая полноценная биографическая работа принадлежит британскому антиквару шотландского происхождения Джорджу Чалмерсу. Биографический очерк под названием «Жизнь Даниэля Дефо» является предисловием к изданному в 1786 году сочинению писателя «История Унии между Англией и Шотландией» 1709 года. Чалмерс отмечал явную недостаточность сведений о ранних годах жизни Дефо: «Родился ли он на соседнем континенте или на этих островах [Британских], в Лондоне или в деревне, одинаково неясно. Сомнительно и то, как его звали — Фое или де Фо» (см.: [Defoe, 1786, p. 1]). Автор биографии склонялся к тому, что Дефо родился в Лондоне и звали его де Фо, но ничего не смог добавить о его образовании. Для нас важно отметить этот момент, поскольку, будучи диссентером, Дефо не мог получить образование в стенах Оксфорда или Кембриджа. По всей видимости, о его учебе в Академии несогласных (*Dissenting academies*) Чарльза Мортонса с 1674 по 1680 год (см.: [Girdler, 1953, p. 574]) Чалмерсу известно не было, либо он счел это незаслуживающим упоминания.

<sup>4</sup> Rope-Makers Alley — одна из улиц Лондона. Даниэль Дефо жил здесь в 1730–1731 годах, скрываясь от кредиторов.

Так, Джонатан Свифт окончил престижный Тринити-колледж Дублинского университета, Ричард Стиль учился в колледжах Оксфорда, а Джозеф Аддисон не только учился, но и преподавал в Оксфорде. Дефо будут выставлять как выскочку-самоучку, который получил известность лишь благодаря острому языку. Однако М. Новак отмечает, что нонконформистская Академия Мортонна предоставила Дефо все необходимые для него знания и создала фундамент для его дальнейшего разностороннего развития (см.: [Novak, 2001, p. 36]). Академия отличалась преподаванием на родном языке — английском, а особое внимание уделялось таким предметам, как история, география и политика. Впрочем, в области владения языками, прежде всего латынью, Дефо действительно не хватало знаний (см.: [Ibid., p. 37]).

Отмечая политическое непостоянство писателя, Чалмерс пытался подойти к этому вопросу со стороны практической необходимости и чувства долга, а также патриотизма: «Де Фо естественно пришло в голову, что его долг — идти на поводу у каждого министерства, пока, как он полагает, они не нарушают Конституцию. И кто может винить подчиненного офицера (если он действительно занимал должность), у которого были жена и дети, которых нужно было содержать при очень скудных средствах?» (цит. по: [Novak, 2001, p. 37]).

В общем и целом образ Дефо у Чалмерса носил скорее положительную коннотацию: «К несчастью для него самого, связь де Фо с позорным столбом не оставила о нем доброй славы в обществе. Если бы мы могли избавиться от наследственных предрассудков и судить о нем по тому, что он говорил и делал, мы бы признали его деятелем государственного масштаба» (цит. по: [Defoe, 1786, p. 16]). Данную позицию Чалмерса можно объяснить темой книги, в которой и был размещен биографический очерк, то есть «Историей Унии между Англией и Шотландией». Если бы Чалмерс представил Дефо как продажного и беспринципного человека, этим бы он бросил тень на саму работу. Тем самым ему нужно было посмотреть на писателя с другой стороны, а именно задуматься над причинами его спорных решений, сосредоточиться на преданности Дефо делу государства, а также его патриотизме. Эта короткая биография стала отправной точкой для многих последующих исследований жизни и творчества Дефо.

Одну из самых объемных биографий писателя в 1830 году составил Уолтер Уилсон. Это трехтомное сочинение «Воспоминания о жизни и временах Даниэля Дефо», в котором тот попытался объединить две стороны деятельности своего героя: художественное творчество и политическую деятельность. Уилсон отмечает весьма интересную вещь: «Де Фо сейчас известен почти исключительно как автор художественной литературы, и это, вероятно, составит основу его славы в последующие времена... но главным образом благодаря политике он приобрел известность среди своих современников, что свидетельствует о влиянии его сочинений» [Wilson, 1830, vol. I, p. 8]. Хотя политические работы, по мнению биографа, не приобрели популярности, это не помешало прочному закреплению за Дефо репутации «продажного человека».

В работе Уилсон сделал акцент на политическом контексте времени, из чего выводит мотивы и причины провокационного стиля письма Дефо. Как утверждал Уилсон, выпуская журнал «Ревью», писатель был «флагманом политической журналистики в течение почти десяти лет» [Wilson, 1830, vol. I, p. 8]. Однако эта специфика и определила формирование его негативного образа: «Ошибка де Фо заключалась в том, что он прославился в период, когда все рассматривалось в ложном свете партий» [Ibid., p. 9].

Описывая личностные качества писателя, Уилсон столкнулся с той же проблемой, с которой будут сталкиваться дальнейшие исследователи, в том числе и в наши дни (см.: [Marshall, 2012, pp. 10–11]), — с нехваткой информации, а точнее, надежных и достоверных источников, которые могли бы пролить свет на некоторые мотивы и сюжеты личной жизни Дефо, в том числе на его мысли и чувства. Сам Уилсон утверждал, что в своей работе он основывался на субъективных представлениях его современников, которые зачастую были негативно настроены к Дефо. На протяжении всех трех томов Уилсон стремился взглянуть на своего героя не только как на автора «Робинзона Крузо», но и как на политического писателя, при этом ставя под сомнение негативистские оценки его личности: «Будь то политика или мораль, торговля или религия, история или художественная литература, он, кажется, был в равной степени на высоте и владел своим пером с таким мастерством и умением, что это указывает на то, что он был неординарным человеком» [Wilson, 1830, vol. III, p. 627].

На рубеже XIX–XX веков иной взгляд на Даниэля Дефо предложил шотландский журналист и писатель Уильям Минто. Самое известное изречение, принадлежащее Минто, во многом определило развитие дефоведения на десятилетия вперед: «Он был великим, поистине великим лжецом, возможно, самым великим лжецом из когда-либо живших» [Minto, 1901, p. 165]. Минто также поставил вопрос о художественных способностях писателя и указывал на незначительность влияния его художественных произведений на современников. Несмотря на кажущийся скептицизм Минто, в целом образ Дефо в его работе имеет положительную оценку: «Дефо не может служить образцом нравственного поведения, но если судить о нем по идеям, ради которых он трудился, а не по средствам, которые он использовал, то мало кто из англичан жил более достойно, чем он, и страна обязана быть ему признательна за это» [Ibid., p. 167]. «Величайшем лжецом» Минто называл Дефо опять же из-за его политической деятельности, но вне ее он отмечал и подчеркивал присутствие моральных устоев в жизни литератора: «Его нечестность была слишком глубока, чтобы назвать ее поверхностной, но если мы еще глубже проникнем в его богатую и странно смешанную натуру, то наткнемся на твердую почву совести» [Ibid., p. 165]. Именно Минто одному из первых удалось описать противоречивый образ Даниэля Дефо: «Дефо был удивительной смесью плута и патриота. Иногда кажется, что “правит балом” чистый плут, иногда — чистый патриот» [Ibid., p. 167].

### *Поворот в дефоведении в середине XX века*

Только в середине XX века началась активная публикация личных писем просветителя, подготовленных Харрисом Хили (см.: [The letters of Daniel Defoe, 1955]). Сейчас нам известно более 250 писем, написанных как Дефо, так и его респондентами. Разумеется, наличие писем расширило возможности для исследователей XX века, особенно второй его половины. Хотя письма использовались и раньше, но систематизация и источниковедческий анализ способствовали серьезному повороту в дефоведении.

Чалмерс, Уилсон и Минто при описании и анализе жизненного пути Даниэля Дефо в первую очередь обращались к его работам политической направленности. Но что было с Дефо-писателем? Его художественные произведения многими литераторами не признавались ценными и значимыми, особенно на фоне Александра Поупа, Джонатана Свифта и других видных деятелей того времени. Исключением был роман «Робинзон Крузо», который высоко оценили шотландский писатель Вальтер Скотт, английский антикварий Чарльз Лем, а также французский философ Жан-Жак Руссо в работе «Эмиль, или О воспитании» (см.: [Руссо, 1981, с. 213]). «Робинзона» хвалили за представленный в работе реализм, который был присущ творчеству Дефо в целом.

Однако не все были солидарны с такой точкой зрения. Британский историк Стивен Лесли, один из авторов «Национального биографического словаря» (*Dictionary of National Biography*), скептически относился к идее причислять Даниэля Дефо к праотцам реалистического романа. Аргументация Лесли базируется на том, что Дефо умело удалось «подстроиться» под рамки еще не сформировавшегося жанра. Лесли говорит, что это, скорее, была случайность: «Ему и в голову не приходило в большей степени, чем обычному репортеру, анализировать персонажа или описывать пейзаж, или создать настроение. Он просто перечислял различные факты» [Lesly, 1899, vol. I, p. 43]. Лесли отдавал предпочтение Джейн Остин, Генри Филдингу и, разумеется, Оноре де Бальзаку [Ibid., vol. II, III, pp. 8, 203] как настоящим писателям-реалистам.

Лесли видел в литературной деятельности Дефо продолжение его карьеры журналиста: «Его нельзя понять, если забыть тот факт, что он был в первую очередь журналистом, и что даже его романы являются частью его журналистики» [Lesly, 1899, vol. I, p. 57]. Вслед за Минто он вновь называет Дефо «изящным лжецом»: «Странное свидетельство способностей де Фо как лжеца (слово, для которого, к сожалению, нет эквивалента, не подразумевающего некоторой вины)» [Ibid., vol. I, p. 3]. Таким образом, по убеждению Лесли, Дефо как великого автора никогда не существовало. Психологизм и развитие персонажей — это конструкт, созданный литераторами XIX века и подпитываемый успехом «Робинзона Крузо». Дефо имел таланты журналиста, репортера, но не мыслителя или писателя. Умея детально описывать окружающую обстановку и действие, он не мог или не желал добавлять психологической глубины своим персонажам, заглядывать в их душу.

Работа Лесли во многом предопределила последующее направление в дефоведении. Так, в 1944 году другой видный британский историк, Джордж Маколей Тревельян, характеризовал Дефо как прежде всего журналиста: «Дефо первым усовершенствовал искусство репортера; и даже его романы, как “Робинзон Крузо” и “Молль Флендерс”, являются воображаемым репортажем о повседневной жизни» [Тревельян, 2001, с. 319]. При этом Тревельян, работая в рамках вигской историографии, описал правление королевы Анны (1702–1714) как «время Д. Дефо». Историк игнорирует все намеки на неоднозначную репутацию своего героя, и перед читателем Дефо предстает в образе экономического обозревателя, который заботился о благосостоянии своей страны (см.: [Там же, с. 318–368]).

Как отмечал современный исследователь М. Новак, подобный образ Даниэля Дефо как «бессознательного автора» надолго закрепился в среде западных ученых [Novak, 2017, p. 4]. Несмотря на критику Лесли, Дефо все чаще стал рассматриваться не как политический обозреватель или журналист, но как писатель. Если раньше основное внимание уделялось первой части «Робинзона Крузо», а также «Дневнику чумного города», то в середине XX века все чаще стали упоминаться и исследоваться такие работы, как «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», «Счастливая куртизанка, или Роксана», «Мемуары кавалера» и другие художественные произведения. Произошла смена парадигм, а точнее, наконец-то исследователи сосредоточились на изучении Дефо как отца английского романа и активного деятеля эпохи Просвещения.

С этой позиции важной работой можно считать книгу «Даниэль Дефо. Гражданин современного мира» (1958) Джона Роберта Мура. Мур отвергал доводы Лесли о «случайности» Дефо как автора, находя в его художественных произведениях и политических сочинениях глубокую взаимосвязь и развертывание единой концепции автора (см.: [Moore, 1958, p. 7]). Дефо в сочинении Мура предстает мучеником, который пожертвовал своей репутацией ради блага страны: «В его работах прослеживается внутренняя целеустремленность, которая соседствует с теми личными выгодами, что были принесены в жертву» [Ibid.]. Служение Даниэля Дефо стране и нации стало главной идеей нарратива Мура.

От образа «плутоватого журналиста», который ищет преимущественно личную выгоду, акцент сместился к жертвенной фигуре, что ценой своей репутации стремится изменить общество в лучшую сторону. Политическая журналистка, ранее понимавшаяся как доминирующая деятельность писателя, теперь осмысливается как второстепенная. Изучение образов, смыслов и знаковых систем в работах Даниэля Дефо, а также формирование образа Дефо как писателя-просветителя стали новой тенденцией дефоведения второй половины XX века.

Среди современных представителей данного направления следует назвать Максимилиана Новака и Паолу Бакшайдер. В их работах фигура Дефо получила новые эпитеты — «гениальный писатель» и «выдающийся деятель своего времени», до конца непонятый и недооцененный своими современниками. В отличие от многих предшествующих исследователей, П. Бакшайдер не считает, что Дефо стал писателем только в 1719 года. Она прослеживает его писательские интенции с первых опубликованных работ: «самодраматизация (self-dramatization) была естественной для Дефо. Его самые ранние из сохранившихся произведений демонстрируют эту особенность. В “Медитациях” (1681) он представлял себя “беглецом, бунтарем и глиняным горшком (clay pot)”» [Backscheider, 1989, p. 534]. Работа Бакшайдер «Даниэль Дефо: его жизнь» 1989 года выстроена в ключе изучения деятельности литератора в рамках истории английской литературы XVIII века. Журналистская активность, работа на правительство, прожекторство представлены как побочные сферы деятельности. Бакшайдер реконструирует внутренний мир Дефо через анализ его произведений.

М. Новака на сегодняшний день можно назвать самым «плодовитым» исследователем-дефоведом. Получив степень доктора философии в 1961 году в Оксфорде, он с 1962 года стал заниматься изучением деятельности английского просветителя. Интересно, что первая крупная работа Новака посвящена Дефо как экономическому мыслителю (см.: [Novak, 1962]). От предыдущих исследований его труды отличает позиционирование Дефо не как простого обозревателя, но как носителя определенных идей. Дальнейшие работы Новака охватывали все новые и новые сферы жизни писателя. В начале XXI века вышла одна из самых объемных работ Новака — «Даниэль Дефо. Мастер художественного слова: его жизнь и творчество» (см.: [Novak, 2001]). В основе теории Новака лежит представление о Дефо как о гениальном писателе и недооценен-

ном современниками человеке. Используя разнообразные источники, в первую очередь письма Дефо и его публицистические работы, а также доступные нам данные об описи содержания личной библиотеки Дефо, Новак «реконструирует» внутренний мир писателя и идейное «ядро» его личности (см.: [Novak, 2006, pp. 1218–1234]).

Смелые выводы М. Новака и П. Бакшейдер подверглись критике со стороны Э. Маршалл. Ее аргументы можно свести к двум утверждениям. Во-первых, исследователи не способны доподлинно реконструировать внутренний мир Дефо, основывая свои выводы на столь малом количестве достоверных источников. Во-вторых, исследовательский инструментарий и те методы, которые используются для анализа творчества Дефо, не в полной мере отвечают запросам исследования (см.: [Marshall, 2012, pp. 13–18]). Маршалл ставит под сомнение релевантность выводов, полученных из личной переписки Дефо, носящей деловой характер, а также из его художественных произведений: возможно ли «узнать» автора в его героях? Попытка внутренне понять своего героя приводит к построению ложных концепций: «Слишком сильное желание реконструировать “ядро” человека превращает биографа Д. Дефо в писателя-выдумщика» [Ibid., p. 18]. Хотя Маршалл и не ставит вопрос о «смерти автора», но критически относится к убежденности Бакшейдер и Новака в возможности раскрыть внутренний мир автора на основе публицистических произведений [Ibid., p. 13]. «Очистив» Даниэля Дефо от наложенных другими биографами смыслов, исследовательница соглашается с Минто: «Дефо был великим лжецом, чрезвычайно успешным лжецом, часто на службе того, что он считал благими целями» [Ibid., p. 24].

Новак ответил на критику Маршалл. Он указал, что ее позиция строится на серии эссе 1864 года (см.: [Novak, 2017, p. 2]), автор которых находился под влиянием традиционного для историографии образа Дефо: «этот классовый снобизм, игнорируемый эссеистом 1864 г. и Эшли Маршалл, дает прекрасное объяснение многим установкам в отношении к Дефо» [Ibid., p. 4]. Разными путями оба автора пришли к пониманию того, что в историографии закрепился определенный «канон» изображения Дефо. Таким образом, в конце XX века наметился очевидный поворот в дефологии. Критическая позиция к «реконструкторам» внутреннего мира Дефо — М. Новаку и П. Бакшейдер — привела к пересмотру списка произведений, традиционно приписываемых перу Даниэля Дефо, а также систематизации наследия писателя<sup>5</sup>.

### *Систематизация наследия Дефо*

Первые попытки систематизировать свои работы принимал сам Дефо. Он не задавался целью собрать все работы в одном издании. Это было бы невозможно, поскольку большинство его сочинений было опубликовано под псевдонимами. Издание работ под псевдонимами не являлось чем-то необычным для XVIII века, скорее наоборот, это была общепринятая практика (см.: [Vareschi, 2012, p. 4]). Это, без сомнения, создало массу проблем для исследователей, изучающих творчество Дефо. Один из первых контрольных списков произведений писателя создал еще Джордж Чалмерс в 1790 году. В нем он указал на существование более ста работ, которые можно отнести к творческому наследию Дефо<sup>6</sup>. Список, составленный Чалмерсом, стал «путеводителем» для целого поколения будущих дефологов.

Следующие работы Уолтера Уилсона, Уильяма Лии, Джеймса Кросли, Уильяма Трента расширили и уточнили «канон» Дефо (см.: [Furbank, 1994, pp. 22–27]), пока в 1971 году Джон Роберт Мур не выпустил книгу «Контрольный список произведений Даниэля Дефо» (см.: [Moore, 1971]). В нем исследователь привел перечень из более чем 550 наименований книг, памфлетов, поэм, выпусков журнала «Ревью», которые были написаны Даниэлем Дефо. Как отмечают П. Н. Фарбенк, методологические принципы Мура не до конца ясны, их применение носит спорадический характер: «его контрольный список представляет собой такую смесь несовместимых и взаимно противоречащих пунктов, что дух захватывает» [Furbank, 1994, p. 26]. У. Р. Оуэнс и П. Н. Фарбенк утверждают, что Роберт Мур расширил «канон» Дефо через

<sup>5</sup> См.: [Vareschi, 2012]. На основании анализа частных библиотечных фондов автор показывает, как книги Д. Дефо «кочевали» из одного тематического раздела в другой, пока не заняли свое место в ряду других английских романов.

<sup>6</sup> См. серию работ под названием *The novels and miscellaneous works of Daniel De Foe*, написанных Джорджем Чалмерсом и переизданных в 1840-х годах английским издателем Томасом Тегом.

построение слабо аргументированных связей между работами. В конце концов одна «сомнительная» работа «подтверждала» другую (см.: [Novak, 1989, p. 582]). Предложенный Фарбенком и Оуэнсом «канон» произведений Дефо включал 270 наименований, разделенных на две категории: определенный (certain) и вероятный (probably) (см.: [Furbank, Owens, 1988]).

Пересмотр «канона» Дефо дал начало новым исследованиям в этой области. Фарбенком и Оуэнсом была составлена новая политическая биография Дефо (см.: [Furbank, Owens, 2006]). По мнению исследователей, образ Дефо как «писателя-реалиста» сложился благодаря стараниям книготорговцев, которые хотели увеличить объем продаж. Но «настоящий» Даниэль Дефо, в представлении авторов, был человеком, который интересовался политикой и писал про политику, поэтому и рассматривать его необходимо через призму политической истории, а не истории английской литературы.

Исследование творчества просветителя не теряет своей актуальности и сегодня на территории России (см.: [Киселев, Лабутина, Ильин, 2012 ; Эрлихсон, 2013 ; Васильева, Эрлихсон, 2020 ; Лабутина, Ковалев, 2020]) являются значимым вкладом в изучение Англии XVIII века. В 2022 году в издании Уральского федерального университета вышел перевод третьего тома «Робинзона Крузо» (см.: [Дефо, 2022]). Исследование наследия и вклада Дефо в историю продолжается как на Западе, так и в России.

### Заключение

Итак, является ли то, что мы знаем о Дефо, лишь его образом, «сконструированной личностью»? Как и каждая историческая личность, Дефо не стал исключением. Его образ пережил ряд метаморфоз: от «продажного писаки с Граб-стрит», «плута-патриота», «обделенного талантом писателя» до «поборника» свободы слова, толерантности и «отца английского романа». Еще далеко не стихли споры о том, какое место занимает Дефо в историческом контексте эпохи, но уже можно в целом согласиться с выводом Уильяма Минто: эта «смесь настолько сложна, а энергия человека настолько неутомима, что разгадать это... почти не под силу человеку» [Minto, 1901, p. 167].

### Список источников

1. Васильева С. А., Эрлихсон И. М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории. — СПб. : Алетейя, 2020. — 484 с.
2. Дефо Д. Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо = Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe / пер. с англ. В. Ю. Григорьева, А. А. Дергачевой, В. В. Высоковой ; [науч. ред. В. В. Высокова]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — 512 с.
3. Киселев А. А., Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. — СПб., 2012. — 304 с.
4. Лабутина Т. Л., Ковалев М. А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Берка. — СПб. : Алетейя, 2020. — 458 с.
5. Руссо Ж. Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. / под ред. Г. Н. Джибладзе. — М. : Педагогика, 1981. — Т. 1. — 653 с.
6. Тревельян Д. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А. А. Крушинский, К. Н. Татарина. — Смоленск : Русич, 2001. — 614 с.
7. Черняк Е. Б. Секретная дипломатия Великобритании: из истории тайной войны. — М. : Международ. отношения, 1975. — 372 с.
8. Эрлихсон И. М. «Третья» женщина эпохи Нового времени в английском просветительском романе (Даниэль Дефо) // Диалог со временем. — 2013. — Вып. 42. — С. 281–307.
9. Backscheider R. P. Daniel Defoe: his life. — Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1989. — 692 p.
10. Defoe D. A True Collection of the Writings of the Author of “The True Born Englishman”. — L., 1703. — 465 p.
11. Defoe D. The history of the union between England and Scotland. — L., 1786. — 781 p.
12. Defoe D. The Novels and Miscellaneous Works of Daniel De Foe. — L. : Thoams Tegg, 1840. — 396 p.

13. Furbank P. N. Defoe de-attributions: a critique of J. R. Moore's Checklist. — L. : Hambledon Press, 1994. — 204 p.
14. Furbank P. N., Owens W. The canonisation of Daniel Defoe. — New Haven, 1988. — 210 p.
15. Furbank P. N., Owens W. R. A Political Biography of Daniel Defoe. — L. : Brookfield, 2006. — 296 p.
16. Girdler L. Defoe's Education at Newington Green Academy // *Studies in Philology*. — 1953. — Vol. 50, № 4. — Pp. 573–591.
17. Lesly S. Hours in a Library. — L. : 15 Waterloo Place, 1899. — Vol. I. — 377 p. ; Vol. II. — 368 p. ; Vol. III. — 369 p.
18. Marshall A. Fabricating Defoes: From Anonymous Hack to Master of Fictions // *Eighteenth-Century Life*. — 2012. — Vol. 36, № 2. — Pp. 1–35.
19. Minto W. Daniel Defoe. — NY : Harper, 1901. — 167 p.
20. Moore J. R. Daniel Defoe: citizen of the modern world. — Chicago: University of Chicago Press, 1958. — 408 p.
21. Moore J. R. A checklist of the writings of Daniel Defoe. — Hamden, 1971. — 281 p.
22. Novak M. E. Economics and the Fiction of Daniel Defoe. — L. : University Of California Press, 1962. — 185 p.
23. Novak M. E. Reviewed Work: The Canonisation of Daniel Defoe. By P. N. Furbank, W. R. Owens // *Eighteenth-Century Studies*. — 1989. — Vol. 22, № 4. — Pp. 579–584.
24. Novak M. E. Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Works. — Oxford ; New York : Oxford University Press, 2001. — 780 p.
25. Novak M. E. Defoe as a Biographical Subject // *Literature Compass*. — 2006. — № 3 (6). — Pp. 1218–1234.
26. Novak M. The Deplorable Daniel Defoe: His Supposed Ignorance, Immorality, and Lack of Conscious Artistry // *Digital Defoe: Studies in Defoe & His Contemporaries* 9. — 2017. — № 1.— Pp. 1–18.
27. Pope A. The poems of Alexander Pope: a one-volume edition of the Twickenham text with selected annotations. — New Haven : Yale University Press, 1963. — 850 p.
28. The Grub-Street Journal 1731–04–29 // *Volume None*. — L., 1731. — Iss. 69. — P. 4.
29. The letters of Daniel Defoe / ed. by G. H. Healey. — Oxford : The Clarendon Press, 1955. — 506 p.
30. Vareschi M. Attribution and Repetition: The Case of Defoe and the Circulating Library // *Eighteenth-Century Life*. — 2012. — Vol. 36, № 2. — Pp. 35–59.
31. Wilson W. Memoirs of the Life and Times of Daniel Defoe. — L. : Hurst, 1830. — Vol. I. — 555 p. ; Vol. III. — 685 p.

### References

1. Vasilyeva S. A., Erlikhson I. M. *Prestupleniye i nakazaniye v angliyskoy obshchestvennoy mysli XVIII veka: ocherki intellektualnoy istorii* [Crime and punishment in English social thought of the 18<sup>th</sup> century: essays on intellectual history]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2020, 484 p. (In Russian).
2. Defoe D. *Seryeznyye razmyshleniya o zhizni i udivitelnykh priklyucheniyyakh Robinzona Kruzo* [Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe]. Transl. from Engl. by V. Yu. Grigoriev, A. A. Dergacheva, V. V. Vysokova; ed. by V. V. Vysokova. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2022, 512 p. (In Russian).
3. Kiselev A. A., Labutina T. L., Ilyin D. V. *Angliyskoye Prosveshcheniye: obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl* [English Enlightenment: socio-political and pedagogical thought]. St. Petersburg, 2012, 304 p. (In Russian).
4. Labutina T. L., Kovalev M. A. *Britanskiye intellektualy epokhi Prosveshcheniya: ot markiza Galifaksa do Edmunda Berka* [British intellectuals of the Enlightenment: from the Marquis of Halifax to Edmund Burke]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2020, 458 p. (In Russian).
5. Rousseau J. J. *Pedagogicheskiye sochineniya: v 2 t.* [Pedagogical works: in 2 vols.]. Ed. by G. N. Dzhibladze. Moscow, Pedagogika Publ., 1981, vol. 1, 653 p. (In Russian).
6. Trevelyan G. M. *Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii* [History of England from Chaucer to Queen Victoria]. Transl. from Engl. by A. A. Krushinsky, K. N. Tatarinova. Smolensk, Rusich Publ., 2001, 614 p. (In Russian).
7. Chernyak E. B. *Sekretnaya diplomatiya Velikobritanii: iz istorii taynoy voyny* [Secret diplomacy of Great Britain: from the history of secret war]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1975, 372 p. (In Russian).
8. Erlikhson I. M. "The third" woman of the modern era in the English educational novel (Daniel Defoe). *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2013, iss. 42, pp. 281–307. (In Russian).
9. Backscheider R. P. *Daniel Defoe: his life*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1989, 692 p.

10. Defoe D. *A True Collection of the Writings of the Author of "The True Born Englishman"*. L., 1703, 465 p.
11. Defoe D. *The history of the union between England and Scotland*. L., 1786, 781 p.
12. Defoe D. *The Novels and Miscellaneous Works of Daniel De Foe*. L., Thoams Tegg, 1840, 396 p.
13. Furbank P. N. *Defoe de-attributions: a critique of J. R. Moore's Checklist*. L., Hambledon Press, 1994, 204 p.
14. Furbank P. N., Owens W. *The canonisation of Daniel Defoe*. New Haven, 1988, 210 p.
15. Furbank P. N., Owens W. R. *A Political Biography of Daniel Defoe*. L., Brookfield, 2006, 296 p.
16. Girdler L. Defoe's Education at Newington Green Academy. *Studies in Philology*. 1953, vol. 50, iss. 4, pp. 573–591.
17. Lesly S. *Hours in a Library*. L., 15 Waterloo Place, 1899, vol. I, 377 p.; vol. II, 368 p.; vol. III, 369 p.
18. Marshall A. Fabricating Defoes: From Anonymous Hack to Master of Fictions. *Eighteenth-Century Life*. 2012, vol. 36, iss. 2, pp. 1–35.
19. Minto W. *Daniel Defoe*. NY, Harper, 1901, 167 p.
20. Moore J. R. *Daniel Defoe: citizen of the modern world*. Chicago, University of Chicago Press, 1958, 408 p.
21. Moore J. R. *A checklist of the writings of Daniel Defoe*. Hamden, 1971, 281 p.
22. Novak M. E. *Economics and the Fiction of Daniel Defoe*. L., University Of California Press, 1962, 185 p.
23. Novak M. E. Reviewed Work: The Canonisation of Daniel Defoe. By P. N. Furbank, W. R. Owens. *Eighteenth-Century Studies*. 1989, vol. 22, iss. 4, pp. 579–584.
24. Novak M. E. *Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Works*. Oxford; NY, Oxford University Press, 2001, 780 p.
25. Novak M. E. Defoe as a Biographical Subject. *Literature Compass*. 2006, iss. 3 (6), pp. 1218–1234.
26. Novak M. The Deplorable Daniel Defoe: His Supposed Ignorance, Immorality, and Lack of Conscious Artistry. *Digital Defoe: Studies in Defoe & His Contemporaries* 9. 2017, iss 1, pp. 1–18.
27. Pope A. *The poems of Alexander Pope: a one-volume edition of the Twickenham text with selected annotations*. New Haven, Yale University Press, 1963, 850 p.
28. The Grub-Street Journal 1731–04–29. *Volume None*. L., 1731, iss. 69, . 4.
29. *The letters of Daniel Defoe*. Ed. by G. H. Healey. Oxford, The Clarendon Press, 1955, 506 p.
30. Vareschi M. Attribution and Repetition: The Case of Defoe and the Circulating Library. *Eighteenth-Century Life*. 2012, vol. 36, iss. 2, pp. 35–59.
31. Wilson W. *Memoirs of the Life and Times of Daniel Defoe*. L., Hurst, 1830, vol. I, 555 p.; vol. III, 685 p.

#### **Информация об авторе**

**Майоров Кирилл Владимирович** — аспирант кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина.

Сфера научных интересов: Даниэль Дефо, уния 1707 года, история Великобритании, первая половина XVIII века.

#### **Information about the author**

**Mayorov Kirill Vladimirovich** — postgraduate student of the Department of New and Modern History of the Ural Federal University named after the First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin.

Research interests: Daniel Defoe, the Union of 1707, British history, the first half of the 18<sup>th</sup> century.

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; принята к публикации 17.03.2024.

The article was submitted 21.01.2024; accepted for publication 17.03.2024.